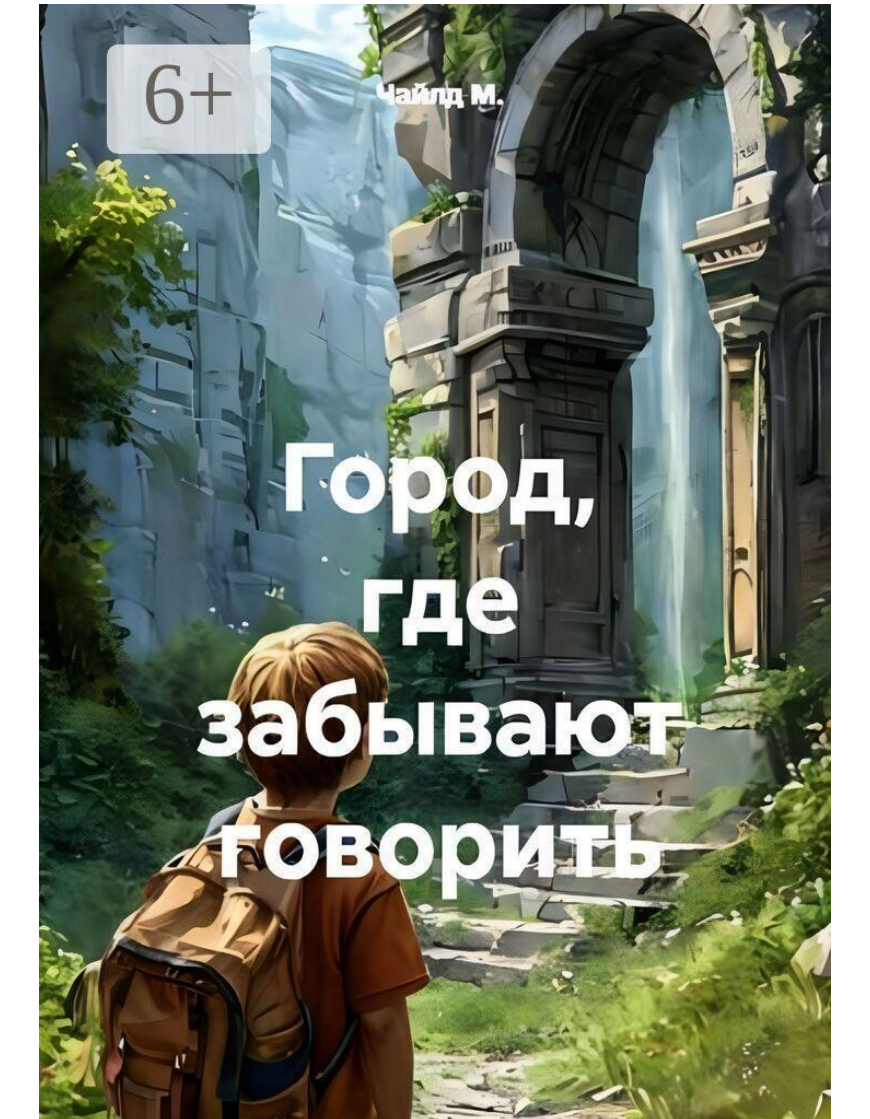

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration of a young boy with reddish-brown hair, seen from behind. He is wearing an orange t-shirt and a large, brown, multi-pocketed backpack. He stands on a path of green grass and small white flowers, looking towards a massive, ancient stone archway. The archway is part of a larger, partially ruined stone structure. A bright, ethereal blue light flows down from the top of the arch, creating a magical atmosphere. The surrounding area is lush with green foliage and trees. In the upper left, there is a white rectangular box containing the age rating '6+'. In the upper right, the author's name 'Чайлд М.' is written in a stylized font.

6+

Чайлд М.

Город, где забывают говорить

Чайлд М.

Город, где забывают говорить

<https://litres.ru/74148127>

ISBN 9785006996700

Аннотация

В городке Вербилки дети перестают говорить в десять лет. Девятилетний Тимофей — последний, кто ещё владеет речью. Он находит древний подземный храм, где слова превращаются в камни, и узнаёт, что может разрушить вековое молчание, но ценой собственного голоса. История о силе слова, дружбе и выборе, который меняет всё.

Содержание

Глава первая. Последний голос Вербилек

5

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Город, где забывают говорить

Чайлд М.

© Чайлд М., 2026

ISBN 978-5-0069-9670-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Последний голос Вербиллок

Вербилки — городок небольшой, уютный и очень зелёный. Он расположился в излучине реки, среди пологих холмов, поросших вековыми липами и дубами. Летом улицы здесь утопают в густой траве, которую не очень-то и косят, потому что жители Вербиллок любят, когда природа дышит рядом. Дома в городке деревянные, с резными наличниками и высокими крылечками, а заборы — низенькие, словно специально для того, чтобы сосед мог заглянуть к соседу просто так, без особого приглашения. И действительно, раньше, очень давно, соседи заглядывали друг к другу часто, пили чай из самовара, вели долгие разговоры о погоде, о видах на урожай яблок, о том, кто какую книжку прочитал. Но всё это было раньше. Теперь в Вербилках стало тихо. Так тихо, что даже ветер, пробегая по улицам, словно извиняется за шум собственных шагов.

Тишина эта не была обычной деревенской тишиной, наполненной стрекотом кузнечиков, пением птиц и далёким лаем собак. Нет, звуки природы здесь как раз присутствовали в полной мере. Скрипели старые качели, журчал ручей, шумели кроны деревьев. А вот человеческих голосов почти не было слышно. Люди в Вербилках разучились говорить.

Нет, не то чтобы совсем разучились — они просто перестали это делать. Вернее, переставали в определённом возрасте, и это считалось совершенно обычным, естественным порядком вещей.

Главного героя этой истории звали Тимофей. Тимофей Зайцев. Ему было девять лет, десять месяцев и двадцать семь дней. То есть до его десятого дня рождения оставалось всего ничего — чуть больше месяца. И Тимофей очень хорошо умел считать дни, потому что каждый прожитый день приближал его к черте, за которой, как говорили все вокруг, наступает взросление. А взросление в Вербилках означало одно — ты замолкаешь. Навсегда.

Тимофей жил с родителями в небольшом доме на улице Липовой. Дом был старый, но крепкий, с печкой, которую топили по вечерам, и с чердаком, где водились летучие мыши. Мыши эти пищали тоненько и совершенно не боялись Тимофея, а он не боялся их. Он вообще мало чего боялся, кроме одного — того самого дня, когда из его горла перестанут вылетать слова.

Сейчас Тимофей сидел на крыльце и смотрел, как солнце медленно уходит за горизонт, окрашивая облака в розовый и оранжевый цвета. Рядом с ним сидел рыжий кот по имени Фантик. Кот был толстый, ленивый и очень важный. Он умел мяукать, и мяукал довольно часто, потому что на кошек правило молчания не распространялось. Тимофей иногда завидовал Фантику. Ему тоже хотелось иметь право на

голос просто так, по факту рождения, и не терять его ни в каком возрасте.

— Знаешь, Фантик, — сказал Тимофей негромко, почёсывая кота за ухом, — мне иногда кажется, что я один такой во всём городе. Один, кто ещё говорит. Все мои друзья уже молчат. Вон, Серёжка с соседней улицы — ему одиннадцать, он уже два месяца ни слова не проронил. И Даша, которая через два дома живёт, тоже молчит. Мы с ней раньше играли в слова, а теперь она только кивает или головой мотает. Как будто её заколдовали.

Фантик лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на Тимофея с выражением глубочайшего понимания и зевнул, показав розовый язычок. Тимофей вздохнул. Ему очень не хватало разговоров. Не просто обмена короткими фразами с родителями за ужином — родители тоже говорили всё меньше и меньше, хотя им было далеко за тридцать, и они имели полное право пользоваться речью. Но они словно сэкономили слова. Как будто каждый произнесённый звук что-то отнимал у них. Мама могла за весь день сказать «обедать» и «спокойной ночи», а папа — и того меньше. В основном они общались взглядами, жестами, улыбками. Тимофей привык к этому с детства, но чем ближе подступал его десятый день рождения, тем острее он чувствовал несправедливость происходящего.

Почему дети перестают говорить в десять лет? Никто не мог ему объяснить. Когда он спрашивал об этом маму, она

лишь пожимала плечами и улыбалась, как будто вопрос был глупым. «Так устроено», — говорила она тихо-тихо, почти шёпотом. «Все замолкают. Это нормально. Ты тоже замолчишь, и тебе станет легче». Но Тимофею не хотелось, чтобы ему становилось легче таким странным способом. Ему нравилось говорить. Нравилось произносить вслух названия созвездий, которые он выучил по старой книжке с картинками: Большая Медведица, Кассиопея, Орион. Нравилось рассказывать Фантику сказки собственного сочинения про храброго мышонка, который отправился в путешествие на край света. Нравилось петь песни, пусть и фальшиво, но от души. Нравилось спорить с папой о том, кто сильнее — слон или кит. И терять всё это навсегда казалось ему чудовищной, невозможной потерей.

Тимофей поднялся с крыльца и прошёлся по двору. Трава под босыми ногами была прохладной и влажной от вечерней росы. Он остановился у старой яблони, которая росла в углу сада. Яблоня была огромная, с мощными ветвями и шершавой корой. Говорили, что ей больше ста лет. Под яблоней стояла скамейка, а за скамейкой начинались заросли малины, такие густые, что через них не пробраться. Тимофей знал, что если пройти через малинник, то можно выйти к старому заброшенному колодезю, который все обходили стороной. Колодец был прикрыт деревянной крышкой, поросшей мхом, и от него веяло холодом даже в самую жаркую погоду. Взрослые говорили, что колодец тот — «дурной», и

детям к нему приближаться не следует. Но Тимофея всегда тянуло туда с какой-то непонятной силой. Может быть, потому что там было интересно? Или потому что ему казалось, что в глубине колодца скрывается ответ на главный вопрос его жизни?

В этот вечер он решил не ходить к колодцу. Солнце уже почти село, и сумерки начали сгущаться быстро, по-осеннему. Тимофей вернулся в дом, поужинал гречневой кашей с молоком, выслушал мамино «спи, родной» и отправился в свою комнату. Комната у него была маленькая, но уютная, с окном, выходящим в сад. На подоконнике лежали камешки разной формы, которые он собирал на берегу реки. Камешки были гладкие, тёплые на ощупь, и Тимофей любил перебирать их перед сном, придумывая каждому историю. Вот этот серый, с белой прожилкой, похож на кита. Вот этот плоский и круглый — на луну. А этот чёрный блестящий — на загадочную пещеру. Тимофей улыбнулся своим мыслям, забрался под одеяло и закрыл глаза.

Сон не шёл. Мысли крутились вокруг одного и того же. Почему так? Почему все вокруг принимают это молчание как должное? Неужели никто никогда не пытался бороться? Или пытались, но у них ничего не вышло? Тимофей вспомнил своего дедушку, который умер три года назад. Дедушка был одним из немногих взрослых, кто иногда позволял себе говорить длинными предложениями. Он рассказывал Тимофею истории про войну, про то, как строили мост через ре-

ку, про лесных зверей. Дедушка говорил, что слова — это самая большая ценность на свете. «Слово, Тимошка, — говорил он, поглаживая седую бороду, — это не просто звук. Это сила. Огромная сила. Только люди о ней забыли. Думают, что слово — пустяк, ветер. А на самом деле каждое сказанное слово меняет мир. Иногда чуть-чуть, иногда сильно. Но меняет всегда. Помни об этом». Тогда Тимофей не очень понимал, о чём говорит дедушка. Теперь же эти слова звучали у него в голове всё чаще и чаще.

Он повернулся на бок и посмотрел в окно. Луна уже взошла и заливала сад серебристым светом. Ветви яблони отбрасывали причудливые тени на стену. Тимофей вдруг заметил какое-то движение в саду. Сначала он подумал, что это Фантик охотится на ночных бабочек, но силуэт был слишком крупным. Тимофей пригляделся и замер. Возле старого колодца стояла фигура. Высокая, в длинном плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо. Фигура стояла неподвижно и, казалось, смотрела прямо в окно Тимофея. У мальчика перехватило дыхание. Он хотел закричать, позвать папу, но голос словно пропал. Так бывает в кошмарных снах, когда ты пытаешься закричать, а из горла вырывается только тихое сипение.

Фигура постояла ещё несколько мгновений, а потом медленно повернулась и направилась к колодцу. Тимофей увидел, как она наклонилась, подняла тяжёлую деревянную крышку с такой лёгкостью, будто та была из бумаги, и исчез-

ла в темноте колодца. Крышка опустилась на место с глухим стуком. В саду снова стало тихо и пусто.

Тимофей протёр глаза. Может, ему померещилось? Может, это просто тень от облака? Но он ясно видел, как фигура двигалась, как поднималась крышка. Сердце колотилось где-то в горле. Он полежал ещё немного, прислушиваясь к звукам дома. Папа мерно похрапывал в соседней комнате, мама тихо дышала. Всё было спокойно. Тимофей решил, что утром обязательно сходит к колодцу и проверит, что там такое. Но сейчас выходить на улицу было слишком страшно.

Он не заметил, как уснул. Ему приснился странный сон. Будто он идёт по бесконечному коридору, стены которого выложены из разноцветных камней. Каждый камень светится изнутри мягким светом, и от каждого исходит тихий звук, похожий на шёпот. Камни шепчут слова. «Любовь», — шепчет розовый камень. «Вера», — гудит голубой. «Надежда», — звенит зелёный. «Радость», — поёт жёлтый. Тимофей идёт и слушает этот удивительный хор. Ему кажется, что он понимает язык камней, что они рассказывают ему истории о людях, которые произносили эти слова впервые. Вдруг коридор заканчивается, и он оказывается в огромном подземном зале. Посреди зала стоит алтарь, а на алтаре лежит книга. Книга раскрыта, и страницы её пусты. Рядом с книгой лежит перо. Тимофей подходит ближе и хочет что-то написать, но не может вспомнить ни одного слова. Он открывает рот, чтобы произнести хоть что-то, но из горла вырывается

только хрип. И тогда он просыпается.

Утро началось как обычно. Солнце светило в окно, Фантик требовательно мяукал под дверью, мама гремела посудой на кухне. Тимофей встал, оделся, умылся холодной водой из раковины. За завтраком он решил заговорить о том, что видел ночью.

— Мам, — начал он, размешивая ложкой манную кашу, — я вчера ночью видел кого-то в саду. У колодца.

Мама подняла на него глаза и улыбнулась той самой улыбкой, которой взрослые обычно отвечают на детские фантазии.

— Приснилось, — сказала она коротко и поставила перед ним кружку с тёплым молоком.

— Нет, правда! — настаивал Тимофей. — Я не спал ещё. Я в окно смотрел. Там кто-то был в длинном плаще. И он спустился в колодец!

Мама покачала головой и приложила палец к губам, давая понять, что разговор окончен. Тимофей вздохнул. С тех пор как ему исполнилось девять с половиной, мама всё чаще стала использовать этот жест. Словно предупреждала: не трать слова понапрасну, скоро они тебе не понадобятся. От этого становилось ещё обиднее.

После завтрака Тимофей вышел во двор. День обещал быть солнечным и тёплым, последние дни бабьего лета. Он направился напрямик к малиннику. Кусты стояли стеной, усыпанные перезревшими ягодами. Тимофей осторож-

но раздвинул колючие ветки и пробрался сквозь них, исцарапав руки. Наконец он вышел к колодцу.

С виду всё было как всегда. Крышка лежала на месте, поросшая зелёным мхом. Вокруг колодца росла высокая крапива. Тимофей подошёл ближе и присел на корточки. На крышке не было видно никаких следов — ни отпечатков ног, ни царапин. Он потрогал дерево — оно было холодным и влажным. Тимофей приложил ухо к крышке и прислушался. Сначала он не услышал ничего, кроме стука собственного сердца. Но потом ему показалось, что из глубины колодца доносится какой-то далёкий гул. Не то чтобы шум воды, скорее — низкое гудение, похожее на то, как гудит ветер в печной трубе. Только гудение это было не равномерным, а словно пульсирующим, как биение огромного сердца, спрятанного глубоко под землёй.

Тимофей отпрянул. Ему стало не по себе. Но любопытство было сильнее страха. Он попытался приподнять крышку. Она оказалась удивительно тяжёлой — как будто приросла к земле. Тимофей навалился всем телом, ухватился за край и потянул изо всех сил. Крышка даже не шелохнулась. Он попробовал ещё раз — бесполезно. Как же тот человек в плаще поднял её так легко?

— Ну и ладно, — пробормотал Тимофей себе под нос. — Пойду лучше к реке. Может, там чего интересного.

Он выбрался из малинника, отряхнул с одежды сухие листья и направился к калитке. Улица Липовая была пустынна.

Соседский дом, где жила Даша, стоял с закрытыми ставнями. Тимофей знал, что Даша сейчас, скорее всего, сидит у себя в комнате и читает. После того как она перестала говорить, её родители купили ей много книг, чтобы она не скучала. Но читать без возможности обсудить прочитанное — это совсем не то. Тимофей несколько раз пытался расспрашивать Дашу о книгах, но она только кивала или рисовала что-то в блокноте. Буквы она, кстати, писать не разучилась. И это давало Тимофею надежду. Может быть, потеря речи не означает потерю языка вообще? Может быть, слова просто уходят глубоко внутрь, но не исчезают совсем?

Он прошёл мимо дома Даши и свернул на тропинку, ведущую к реке. Тропинка вилась между старых ив, ветви которых свисали до самой земли, образуя зелёный туннель. В этом туннеле всегда было сумрачно и прохладно. Тимофей любил ходить здесь, представляя, что он пробирается сквозь заколдованный лес. Сегодня ему было не до игр воображения. Мысли о ночном видении и странном гуле из колодца не давали покоя.

Вдруг он услышал шорох в кустах. Тимофей замер. Шорох повторился, и на тропинку выскочил Серёжка. Он был запыхавшийся, взъерошенный, в руке держал какой-то свёрток. Серёжка молча посмотрел на Тимофея и поманил его за собой. Тимофей, не раздумывая, последовал за другом.

Они прошли немного вдоль берега и остановились у старой лодочной станции. Здесь когда-то хранились рыбацкие

лодки, но теперь станция была заброшена. Деревянный настил местами провалился, а крыша протекала. Серёжка забрался под навес, где было относительно сухо, и жестом показал Тимофею садиться рядом. Тимофей сел. Серёжка развернул свёрток. Внутри оказалась тетрадь в кожаной обложке, очень старая, с пожелтевшими страницами. На обложке было вытеснено изображение дерева с раскидистыми ветвями. Серёжка открыл тетрадь и ткнул пальцем в первую страницу. Там красивым витиеватым почерком было написано: «Дневник хранителя слов».

Тимофей прочитал вслух:

— Дневник хранителя слов... Что это, Серёжа? Где ты взял?

Серёжка вместо ответа перевернул страницу. Там была записка:

«Сегодня седьмой день моего молчания. Мне одиннадцать лет, и я больше не могу говорить. Но я помню каждое слово, которое произнёс за свою жизнь. Я записываю их сюда, чтобы не забыть. Потому что слова — это единственное, что остаётся у человека, когда голос уходит. Я верю, что однажды слова вернутся. Я не знаю, когда и как, но я должен сохранить их. Я — хранитель слов».

Тимофей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он прочитал записку ещё раз, уже про себя. Кто написал это? Когда? Внизу страницы стояла дата — 1987 год. Почти сорок лет назад.

— Покажи ещё, — попросил Тимофей.

Серёжка кивнул и начал перелистывать страницы. Там были записаны сотни, тысячи слов. Простые и сложные, короткие и длинные. «Здравствуй». «Прощай». «Люблю». «Небо». «Хлеб». «Мама». «Верность». «Чудо». Каждое слово было написано отдельно, с указанием даты, когда оно было записано. Некоторые слова были подчёркнуты, некоторые обведены в кружок. На полях были заметки: «Это слово я сказал, когда впервые увидел море»; «Это слово я сказал, когда прощался с бабушкой»; «Это слово я услышал во сне и запомнил».

Тимофей листал тетрадь, и его охватывало странное чувство. Будто он прикасается к чему-то очень важному, к какой-то тайне, спрятанной под толщей времени.

— Серёжа, — сказал он, поднимая глаза на друга, — ты понимаешь, что это значит? Кто-то до нас пытался понять, что происходит с людьми в Вербилках. Кто-то хранил слова. Может быть, есть и другие такие дневники? Может быть, мы не одни такие?

Серёжка внимательно смотрел на Тимофея. В его глазах читалось то же самое волнение, которое испытывал Тимофей. Он снова перевернул страницу и показал на запись, сделанную в самом конце тетради. Почерк там был уже не такой ровный, буквы прыгали, словно писавший очень торопился или сильно волновался.

«Я нашёл его. Под старым колодцем. Там, в глубине, есть

ход. Он ведёт в подземный храм. Я видел его своими глазами. В храме — тысячи камней. И каждый камень — это слово. Они светятся и звучат. Я не смог войти внутрь, потому что испугался. Но завтра я вернусь и попробую снова. Если я не вернусь, пусть тот, кто найдёт этот дневник, продолжит моё дело. Слова не должны умирать. Ищите храм под колодецем. Ищите ключ. Ключ — это голос последнего».

Тимофей перечитал последнюю фразу несколько раз. «Ключ — это голос последнего». Что это значит? Последнего кого? Последнего говорящего ребёнка? Выходит, он, Тимофей, и есть этот последний? Или имеется в виду кто-то другой?

— Серёжа, — прошептал Тимофей, хотя вокруг никого не было, — это же написано про меня. Про меня, понимаешь? Я единственный, кто ещё говорит. Мне скоро десять, и я... я боюсь замолчать. А тут написано, что ключ — это голос последнего. Значит, я могу открыть храм?

Серёжка быстро закивал. Потом взял из кармана огрызок карандаша и написал на свободном листе тетради: «Пойдём туда. Сегодня. Я с тобой».

Тимофей задумался. С одной стороны, ему было страшно. Очень страшно. Таинственный храм под землёй, колодец, из которого слышен гул, фигура в плаще — всё это пугало. С другой стороны, он чувствовал, что именно это он искал всю свою жизнь. Ответы на вопросы, которые мучили его с тех пор, как он начал понимать несправедливость молчания.

— Хорошо, — решительно сказал Тимофей. — Пойдём сегодня. Только давай дождёмся вечера. Чтобы нас никто не увидел.

Они договорились встретиться у колодца, когда стемнеет. Тимофей спрятал тетрадь за пазуху и отправился домой. Весь оставшийся день он был сам не свой. Мама заметила его взволнованность и даже спросила:

— Что с тобой? Бледный какой-то.

— Всё хорошо, мам, — ответил Тимофей. — Просто голова немного болит. Я пойду полежу.

Он ушёл в свою комнату и закрыл дверь. Достал тетрадь и начал листать её с самого начала. Первая запись была датирована 1987 годом. Дальше записи шли почти каждый день на протяжении нескольких лет. Автор дневника, судя по всему, был девочкой. Иногда она обращалась к дневнику, как к живому существу: «Дорогой дневник, сегодня я записала слово „счастье“. Я помню, как мама произносила его, когда смотрела на меня. Теперь мама молчит, а слово осталось». В других местах она описывала свои поиски: «Я расспрашивала старожилков. Никто не помнит, когда именно началось молчание. Говорят, так было всегда. Но я не верю. Должна быть причина. Что-то случилось в прошлом, из-за чего люди перестали говорить. Я найду эту причину».

Тимофей читал запоем. Ему казалось, что он слышит голос этой девочки, которая жила сорок лет назад. Её звали Вера. Вера Снегирёва. Она тоже была последней, кто гово-

рил в своём возрасте. И она тоже искала храм слов. В одной из последних записей она писала: «Я спускалась в колодец. Там темно и сыро. На глубине примерно десяти метров есть боковой ход. Он ведёт в пещеру. В пещере я видела свет. Но я не решилась идти дальше одна. Я вернулась за помощью. Но никто не захотел меня слушать. Взрослые только качали головами. Они думают, что я сошла с ума. Может быть, они правы. Но я всё равно пойду туда снова. Одна. Завтра».

Следующая страница была пуста. И все последующие тоже. Вера не вернулась, чтобы дописать свой дневник.

Тимофей закрыл тетрадь и долго сидел, глядя в окно. За окном вечерело. Тени от яблони становились всё длиннее. Он думал о Вере. О том, как ей, должно быть, было одиноко и страшно. О том, как она, преодолевая страх, шла в неизвестность ради того, чтобы вернуть людям голос. И о том, что теперь её путь предстоит пройти ему.

Когда совсем стемнело и в доме всё затихло, Тимофей тихонько выбрался из постели. Он надел тёплую куртку, взял маленький фонарик, который хранил в ящике стола, и сунул за пазуху тетрадь Веры. Потом осторожно открыл окно и спрыгнул в сад. Земля была мягкой, покрытой слоем палой листвы. Тимофей на цыпочках прокрался к малиннику. Серёжка уже ждал его у колодца. В руках у него была верёвка и ещё один фонарь.

Тимофей подошёл и шёпотом спросил:

— Ты готов?

Серёжка кивнул. Он протянул Тимофею конец верёвки и показал жестом, что обвяжет её вокруг ствола старой яблони. Так они и сделали. Верёвка была длинная и крепкая, такая, какой рыбаки привязывают лодки. Тимофей подёргал — держится прочно.

Теперь нужно было открыть крышку колодца. Тимофей взялся за край и потянул. Крышка даже не шелохнулась. Он попробовал ещё раз — то же самое. Серёжка присоединился к нему, и вдвоём они налёгли изо всех сил. Но тяжёлая деревянная крышка словно приросла к каменному ободу.

— Не получается, — выдохнул Тимофей, вытирая пот со лба. — Она как будто заколдованная.

И тут он вспомнил слова из дневника: «Ключ — это голос последнего». Голос! Может быть, нужно не просто физическое усилие, а что-то другое? Тимофей встал прямо перед колодцем, закрыл глаза и громко, отчётливо произнёс:

— Я — Тимофей Зайцев. Мне девять лет, и я умею говорить. Я хочу узнать правду. Откройся!

Сначала ничего не произошло. Но потом Тимофей услышал тот самый низкий гул, который доносился из колодца. Гул усилился, земля под ногами слегка задрожала. Крышка колодца вдруг засветилась по контуру мягким зелёным светом и с тихим скрипом приподнялась на несколько сантиметров. Тимофей и Серёжка переглянулись. У Серёжки от удивления даже рот приоткрылся, хотя он и так молчал.

— Получилось, — прошептал Тимофей. — Давай!

Они вместе сдвинули крышку в сторону. Открылось тёмное жерло колодца. Изнутри пахло сыростью и чем-то древним, как из старого погреба. Тимофей посветил фонариком вниз. Луч выхватил из темноты каменные стенки, поросшие мхом, и уходящую вниз верёвку. Глубина казалась бесконечной.

— Я первый, — сказал Тимофей. — Ты держи верёвку.

Он ухватился за верёвку обеими руками, перекинул ногу через край колодца и начал осторожно спускаться. Стены были скользкими, но на них имелись выступы, на которые можно было опереться ногами. Тимофей спускался медленно, метр за метром. Сверху светил фонарик Серёжки, но его луч становился всё слабее. Вскоре Тимофея окружила крошечная тьма. Только его собственный фонарь, привязанный к поясу, выхватывал небольшой участок стены перед ним.

Он считал ступни. Примерно на счёте «двадцать пять» его нога нащупала пустоту. Тимофей посветил в сторону и увидел, что в стене колодца зияет провал — узкий лаз, уходящий вбок. Точно как в дневнике Веры! Тимофей перехватил верёвку, раскачался и запрыгнул в лаз. Здесь было тесно, пришлось ползти на четвереньках. Он прополз метров пять, и лаз неожиданно расширился. Тимофей смог встать в полный рост. Он находился в небольшой пещере с каменными стенами. В дальнем конце пещеры виднелся арочный проход, из которого лился мягкий свет.

— Серёжа! — крикнул Тимофей, обернувшись. — Спус-

кайся! Здесь есть проход! Только осторожно!

Через несколько минут Серёжка, пыхтя, присоединился к нему. Они вместе пошли к светящейся арке. Когда они приблизились, Тимофей разглядел, что свет исходит от множества маленьких кристаллов, вкрапленных в камень. Кристаллы мерцали разными цветами — голубым, розовым, зелёным, золотистым. Арка была украшена затейливой резьбой: ветви деревьев, листья, цветы, а в центре — то же изображение дерева, что и на обложке тетради Веры.

Тимофей шагнул под арку и замер, поражённый открывшимся зрелищем. Перед ним простирался огромный подземный зал. Своды его терялись в темноте высоко над головой, но стены были видны отчётливо благодаря тому, что они были сплошь усеяны светящимися камнями. Тысячи, десятки тысяч камней разного размера и формы покрывали стены от пола до самого верха. Одни камни были гладкими и круглыми, другие — острыми и угловатыми, третьи — плоскими, как монеты. И каждый камень светился своим цветом и издавал свой звук. Это был тот самый гул, который Тимофей слышал из колодца, только теперь он разложился на отдельные голоса. Камни шептали, пели, звенели, гудели. И в этом многоголосье можно было различить слова. Тысячи слов, произнесённых когда-то разными людьми.

— Вот это да... — выдохнул Тимофей.

Он прошёл дальше в зал. Пол здесь был выложен гладкими каменными плитами. В центре возвышался алтарь —

массивное каменное возвышение, на котором лежала раскрытая книга. Точь-в-точь как в его сне. Только теперь страницы книги не были пустыми. На них были написаны слова. Множество слов, и они постоянно менялись, перетекали одно в другое, словно живые. Рядом с книгой лежало перо — длинное, белое, похожее на лебединое.

Тимофей подошёл к алтарю. Серёжка держался позадиди, оглядываясь по сторонам с выражением благоговейного страха. Тимофей протянул руку и коснулся страницы книги. В тот же миг в голове у него раздался голос — спокойный, глубокий, как эхо в горах.

«Добро пожаловать, ищущий. Ты пришёл в храм Слов. Здесь хранится всё, что когда-либо было сказано людьми в городе Вербилки. Каждое слово, произнесённое здесь, обретает плоть — камень. И каждое слово, обретшее плоть, забирает у сказавшего способность говорить. Таков закон равновесия. Слово — это сила, и за силу нужно платить».

Тимофей вздрогнул и отдёргнул руку. Голос замолчал. Мальчик оглянулся на Серёжку, но тот, похоже, ничего не слышал. Он просто стоял и смотрел на камни.

— Ты слышал? — спросил Тимофей шёпотом. Серёжка отрицательно покачал головой.

Тимофей снова прикоснулся к книге. Голос зазвучал опять.

«Ты — последний, чей голос ещё свободен. В тебе течёт сила древних, тех, кто основал этот город. Когда-то давно

люди Вербилкок заключили договор с хранителем этого места. Они согласились отдавать свои слова, чтобы сохранить мир и покой в городе. Слова, сказанные здесь, обладают особой силой — они могут менять реальность. Но каждое произнесённое слово становится камнем, а говорящий теряет часть себя. Дети теряют голос в десять лет, потому что к этому возрасту они произносят достаточно слов, чтобы заплатить дань. Взрослые говорят редко, чтобы не тратить слова понапрасну. Но ты, Тимофей, ещё можешь выбирать. Твой голос — ключ. Ты можешь либо заплатить дань, как все, либо попытаться разрушить договор. Но знай: разрушение договора потребует от тебя последнего слова. Слова, которое навсегда лишит тебя голоса, но вернёт речь всем жителям Вербилкок. Выбор за тобой».

Тимофей убрал руку. Голос исчез. Мальчик стоял, потрясённый услышанным. Значит, вот в чём дело. Слова — это не просто звуки. Это камни, которые строят реальность. Каждое сказанное слово в Вербилках становится частью этого подземного храма. Люди отдают свои слова, чтобы поддерживать некое равновесие. Но кто установил это правило? Почему они должны платить такую цену?

Он вспомнил дедушку. «Слово — это сила. Огромная сила. Только люди о ней забыли». Дедушка знал. Он знал, но не мог или не хотел рассказать всё до конца.

Тимофей посмотрел на Серёжку. Тот стоял у стены и разглядывал один из камней. Камень светился тёплым оранже-

вым светом и издавал тихое «ма-ма». Тимофей подошёл ближе и увидел, что на камне выгравировано слово «Мама». А рядом — множество других камней. «Папа». «Дом». «Солнце». «Друг». Простые, детские слова. Первые слова, которые произносит каждый ребёнок. И все они здесь, превращённые в камень.

— Это наши слова, Серёжа, — сказал Тимофей. — Твои, мои, Дашины, всех детей, которые жили в Вербилках. Их слова стали этими камнями. А мы даже не знали об этом.

Серёжка молча кивнул. Он провёл пальцем по камню со словом «Друг», и камень на мгновение вспыхнул ярче.

Тимофей вернулся к алтарю. Он смотрел на книгу, на перо, на бесчисленные камни вокруг. Внутри него боролись страх и решимость. С одной стороны, ему было ужасно жалко терять голос. Голос — это часть его самого. Это его возможность рассказывать сказки, петь песни, говорить с мамой, кричать от радости. С другой стороны, он понимал: если он не сделает ничего, то через месяц он всё равно потеряет голос, как все. И тогда уже никогда ничего не изменится. Новые дети будут рождаться, учиться говорить, а потом замолкать в десять лет. И так будет вечно.

А если он выберет разрушить договор, то он потеряет голос сразу. Но взамен все жители Вербилкок — и дети, и взрослые — снова обретут способность говорить свободно. Слова перестанут превращаться в камни. Город наполнится человеческими голосами, смехом, спорами, песнями. Разве не

ради этого стоит пожертвовать своим голосом?

Но какое слово должно быть последним? Что нужно сказать, чтобы разрушить древний договор?

Тимофей снова прикоснулся к книге. На этот раз он спросил вслух:

— Какое слово мне нужно произнести?

Голос ответил не сразу. Страницы книги зашелестели, слова на них замелькали быстрее. Потом они сложились в одну фразу:

«Слово, которое ты произнесёшь последним, должно быть самым важным для тебя. Слово, в которое ты вложишь всю свою любовь, всю свою надежду, всю свою веру. Слово, которое станет ключом. Ты узнаешь его, когда придёт время. Но помни: произнеси его, ты навсегда умолкнешь. И уже никогда не сможешь сказать больше ни слова».

Тимофей убрал руку. Он понял. Ему не нужно ничего придумывать прямо сейчас. Слово должно прийти само, из глубины сердца. И он должен быть готов к тому, что после этого он замолчит.

Он повернулся к Серёжке.

— Я вернусь сюда, когда буду готов, — сказал он. — Я найду это слово. И я разрушу договор. Обещаю.

Серёжка подошёл и крепко пожал ему руку. В его глазах Тимофей прочитал поддержку и веру. Да, Серёжка не мог говорить, но он понимал всё без слов. И это придавало Тимофею сил.

Они выбрались из храма тем же путём. Когда Тимофей последним поднялся на поверхность и они закрыли крышку колодца, небо на востоке уже начинало светлеть. Где-то запела ранняя птица. Город Вербилки просыпался, окутанный привычной тишиной. Но теперь Тимофей знал, что эта тишина — не навсегда. У него есть чуть больше месяца, чтобы найти самое важное слово в своей жизни. И он его найдёт.

Он попрощался с Серёжкой, забрался через окно в свою комнату и лёг в постель. Засыпая, он слышал, как в его голове звучат тысячи голосов из подземного храма. Они шептали ему: «Не бойся. Ты справишься. Мы верим в тебя». И Тимофей верил. Он знал, что этот месяц будет самым важным в его жизни. И он не потратит ни одного слова впустую.

Утром его разбудил Фантик, который нахально улёгся прямо на лицо. Тимофей чихнул, столкнул кота и сел в кровати. За окном светило солнце, и мир казался обычным. Но Тимофей знал: теперь всё изменилось. Он посмотрел на свои камешки на подоконнике и улыбнулся. Скоро, очень скоро эти камешки, возможно, перестанут быть просто камнями с берега реки. Они станут свидетелями великого события.

— Ну что, Фантик, — сказал он коту, который уже умылся, сидя на полу, — готов к приключениям? Кажется, у нас впереди очень важный месяц.

Кот поднял голову, посмотрел на Тимофея с выражением глубочайшего понимания и мяукнул. Тимофей рассмеялся. Это был его первый смех после посещения храма, и он зву-

чал особенно звонко в тишине старого дома.

Так начался отсчёт последних дней, когда Тимофей Зайцев ещё имел право говорить свободно. Дней, наполненных поисками, размышлениями и важными встречами. Дней, которые должны были привести его к единственному, самому главному слову в его жизни. Но это уже совсем другая история, которая будет рассказана в следующих главах. А пока — город Вербилки спал, укрытый одеялом тишины, не подзревая, что скоро всё изменится. Что скоро в его домах снова зазвучат голоса, и старый колодец в саду на улице Липовой перестанет быть просто колодцем, а станет символом возвращения речи.

Тимофей оделся и вышел на крыльцо. Солнце пригревало по-летнему, несмотря на осень. Он посмотрел в сторону колодца, который был скрыт зарослями малины. Где-то там, глубоко под землёй, ждал своего часа храм Слов. И Тимофей знал, что скоро вернётся туда. Но сначала ему нужно было сделать кое-что ещё.

— Мам, — сказал он, заходя в кухню, где мама уже хлопотала у печки, — давай сегодня сходим на речку? Пожалуйста. Я так давно не был на речке с тобой. И давай поговорим? О чём угодно. Просто поболтаем. Как раньше.

Мама обернулась, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на удивление и радость одновременно. Она улыбнулась и кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдём. Поговорим.

И в этом коротком «поговорим» Тимофею почудилось обещание будущего, в котором молчание больше не будет нормой. Будущего, ради которого стоило искать самое важное слово.

Глава вторая. Там, где слова обретают вес

Утро после посещения подземного храма выдалось удивительно тёплым и ясным. Солнце, словно понимая важность наступившего дня, заливало Вербилки мягким золотистым светом, пробиваясь сквозь поредевшую листву старых лип. Тимофей проснулся с ощущением, что он уже не совсем тот мальчик, который засыпал накануне. Что-то изменилось внутри него, будто в груди поселился маленький, но очень яркий огонёк, который грел и одновременно напоминал о взятом на себя обязательстве.

Он лежал в постели, глядя в потолок, по которому медленно полз солнечный зайчик от настенного зеркальца, и прокручивал в голове события прошлой ночи. Подземный храм, тысячи светящихся камней-слов, голос из книги, древний договор... Всё это казалось невероятным сном. Но стоило ему закрыть глаза, как перед внутренним взором снова вставали стены, усыпанные драгоценными камнями человеческой речи, и слышался многоголосый гул. Нет, это был не сон. Это была правда. И теперь он, Тимофей Зайцев, девяти лет от роду, нёс ответственность за то, чтобы эта правда изменилась.

— Тимоша, вставай, — донёлся из кухни мамин голос. — Я кашу сварила, с тыквой, как ты любишь.

Голос мамы звучал обыденно, но Тимофей теперь слышал его иначе. Каждое слово казалось ему драгоценным камнем, который вот-вот упадёт в невидимую копилку и исчезнет навсегда. Он поймал себя на мысли, что считает мамины слова. «Тимоша» — раз. «Вставай» — два. «Я кашу сварила» — три, четыре. «С тыквой» — пять. «Как ты любишь» — шесть, семь. Семь слов. Семь камней, которые лягут в стены подземного храма. От этой мысли ему стало не по себе.

Он быстро оделся и вышел на кухню. Мама стояла у печки, помешивая что-то в чугушке. Пахло сладкой тыквой, пшёнкой и топлёным молоком. Фантик сидел на своём излюбленном месте — на лавке у окна — и с важным видом вылизывал лапу.

— Мам, — начал Тимофей, усаживаясь за стол, — а мы правда пойдём сегодня на речку? Ты обещала.

Мама обернулась и внимательно посмотрела на сына. Ей показалось, что за одну ночь он как-то повзрослел. В глазах появилась новая глубина, какой раньше не было. Она улыбнулась и кивнула.

— Пойдём, — сказала она. — После завтрака и пойдём.

— И ты будешь со мной разговаривать? — уточнил Тимофей, и в его голосе прозвучала такая надежда, что мама на мгновение замерла.

— Буду, — ответила она тихо, и в этом коротком слове

Тимофею почудилась целая гамма чувств: и любовь, и тревога, и какая-то давно забытая радость.

Завтрак прошёл почти в тишине, но это была не та гнетущая тишина, к которой привыкли в Вербилках. Это была тишина ожидания, наполненная невысказанными словами, готовыми вот-вот сорваться с губ. Тимофеей ел кашу, ища поглядывая на маму. Ему хотелось спросить её о многом. Знала ли она о храме? Понимала ли, почему люди в городе молчат? Помнила ли она свою жизнь до того, как замолчала? Но он не решался задавать эти вопросы прямо сейчас. Он чувствовал, что всему своё время.

После завтрака они собрались и вышли из дома. Улица Липовая встретила их привычной утренней тишиной, нарушаемой лишь пением птиц и шорохом листьев под ногами. Мама взяла Тимофея за руку — жест, который в последнее время она позволяла себе всё реже, словно стесняясь проявлять нежность. Тимофеей крепко сжал её ладонь.

Они прошли мимо дома Даши. Ставни были открыты, и в окне мелькнул силуэт девочки. Тимофеей помахал ей свободной рукой. Даша помахала в ответ и улыбнулась. Ему захотелось подойти к ней, рассказать о храме, о договоре, о своей миссии. Но он понимал, что сейчас важнее побыть с мамой. Он дал себе слово, что обязательно встретится с Дашей и Серёжкой позже. Им предстоит многое обсудить.

Тропинка к реке встретила их прохладой и запахом прелой листвы. Ветви старых ив, свисавшие до земли, образо-

вали тот самый зелёный туннель, который Тимофей так любил. Сегодня этот туннель казался ему особенным — словно вход в другой мир, где слова ещё не стали камнями.

Они вышли на берег. Река в этом месте делала плавный изгиб, образуя небольшую заводь с песчаным пляжем. Вода была прозрачной, и на дне виднелись разноцветные камешки — точно такие же, какие Тимофей собирал на своём подоконнике. Мама расстелила на песке старое одеяло, и они сели, глядя на медленное течение.

— Мам, — сказал Тимофей, набираясь смелости, — а ты помнишь, как ты была маленькой? Как ты училась говорить?

Мама долго молчала, глядя на воду. Тимофей уже подумал, что она не ответит, но потом она заговорила. Её голос звучал тихо, но очень отчётливо.

— Помню, — сказала она. — Смутно, но помню. Моя мама, твоя бабушка, очень любила петь. Она пела мне колыбельные каждую ночь. И я запоминала слова. А потом, когда я подросла, мы с ней часто гуляли по этому самому берегу и разговаривали. Обо всём на свете. О звёздах, о цветах, о том, почему река течёт только в одну сторону.

— А потом? — осторожно спросил Тимофей. — Что случилось потом?

Мама вздохнула и провела рукой по песку, чертя какие-то узоры.

— Потом мне исполнилось десять лет. И я замолчала. Как все. Это случилось не сразу, а постепенно. Сначала я стала

замечать, что мне всё труднее подбирать слова. Они как будто ускользали, прятались где-то глубоко внутри. А потом в один день я просто не смогла ничего сказать. Открывала рот, а звука не было.

— Тебе было страшно? — спросил Тимофей, чувствуя, как сжимается сердце.

— Сначала да. Очень страшно. Я плакала по ночам, но даже плакать получалось беззвучно. А потом... потом привыкла. Все привыкают. Взрослые говорят, что это естественно. Что так устроен мир. И ты перестаёшь задавать вопросы. Просто живёшь и молчишь.

— Но ведь это неправильно! — воскликнул Тимофей. — Так не должно быть! Слова — это же... это же самое главное, что у нас есть!

Мама посмотрела на него долгим взглядом, полным какой-то щемящей нежности и грусти одновременно.

— Ты прав, Тимоша, — сказала она. — Слова — это главное. Но люди забыли об этом. Или заставили себя забыть, потому что помнить слишком больно. Когда ты замолкаешь, ты как будто теряешь часть себя. И чтобы не сойти с ума, ты убеждаешь себя, что эта часть была не так уж и важна. Но где-то глубоко внутри ты знаешь, что это неправда.

Тимофей слушал, затаив дыхание. Никогда раньше мама не говорила с ним так откровенно. Видимо, его вчерашняя просьба «давай поговорим» пробудила в ней что-то давно забытое, спящее под толщей лет молчания.

— Мам, — сказал он, решившись, — а если бы был способ всё исправить? Вернуть людям голос? Чтобы никто больше не замолкал в десять лет?

Мама резко повернулась к нему. В её глазах промелькнуло что-то похожее на испуг.

— О чём ты говоришь, Тимофей? — спросила она, и голос её дрогнул.

Тимофей на мгновение заколебался. Стоит ли рассказывать ей о храме? О древнем договоре? О том, что он, возможно, единственный, кто может всё изменить? Он посмотрел в мамины глаза и решил, что пока не время. Она может испугаться, попытаться остановить его. А он должен действовать.

— Я просто подумал, — сказал он, отводя взгляд. — А вдруг есть? Вдруг можно что-то сделать?

Мама ещё несколько секунд пристально смотрела на него, а потом перевела взгляд на реку.

— Иногда мне снятся сны, — сказала она тихо. — В этих снах я снова говорю. Свободно, легко, как в детстве. Я рассказываю тебе сказки, пою песни, спорю с твоим папой о всяких пустяках. И когда я просыпаюсь, я чувствую такую пустоту, что хочется выть. Но я не могу даже завывать. Потому что голоса нет.

Тимофей почувствовал, как к горлу подступает комок. Он придвинулся к маме и обнял её крепко-крепко.

— Я люблю тебя, мам, — сказал он. — И я обещаю тебе... обещаю, что когда-нибудь ты снова сможешь петь свои

колыбельные.

Мама ничего не ответила, только погладила его по голове. Они просидели так ещё долго, глядя на реку, и каждый думал о своём. Тимофей думал о том, какое слово ему предстоит найти. Мама, наверное, вспоминала колыбельные своей матери и мечтала о невозможном.

После обеда Тимофей отправился на поиски Серёжки и Даши. Он нашёл их в старом заброшенном саду на окраине города, где среди зарослей сирени и шиповника пряталась покосившаяся деревянная беседка. Это было их тайное место, где они собирались ещё до того, как Серёжка и Даша замолчали. Тогда они играли здесь в пиратов, строили шалаши и рассказывали друг другу страшные истории. Теперь беседка стала местом молчаливых встреч, где они общались с помощью записок, рисунков и жестов.

Когда Тимофей подошёл, Серёжка и Даша уже ждали его. Серёжка сидел на шаткой скамейке и что-то вырезал перочинным ножиком из деревянной чурочки. Даша, как обычно, рисовала в своём альбоме. Увидев Тимофея, она отложила карандаш и вопросительно посмотрела на него.

— Я должен вам кое-что рассказать, — начал Тимофей, усаживаясь напротив. — То, что случилось вчера в колодце... Это было по-настоящему. Храм существует. И я узнал, почему люди в Вербилках теряют голос.

Он подробно пересказал всё, что услышал от голоса в книге. О древнем договоре, о том, что каждое сказанное слово

становится камнем в подземном храме, о том, что он — последний, чей голос ещё свободен, и что у него есть выбор: либо смириться и замолчать, как все, либо попытаться разрушить договор, произнеся последнее, самое важное слово.

Серёжка и Даша слушали с огромным вниманием. Когда Тимофей закончил, в беседке повисла тишина, нарушаемая только стрёкотом кузнечиков. Потом Даша взяла свой альбом и быстро написала на чистом листе:

«Ты правда хочешь это сделать? Ты понимаешь, что потеряешь голос навсегда?»

Тимофей прочитал и кивнул.

— Понимаю. Но если я ничего не сделаю, через месяц я всё равно замолчу. И тогда уже ничего не изменить. А так... так у меня есть шанс вернуть голос всем. Тебе, Серёже, маме, папе, всем жителям Вербилоч. Разве это не стоит моего голоса?

Серёжка перестал строгать чурочку и написал на обрывке бумаги, который достал из кармана:

«Я пойду с тобой. До конца».

Тимофей улыбнулся и пожал другу руку. Даша тем временем снова застрочила карандашом:

«Я тоже. Но нам нужно понять, что это за слово. Нельзя ошибиться. Если ты скажешь не то, всё может стать ещё хуже».

— Я знаю, — согласился Тимофей. — Именно поэтому я хочу, чтобы мы вместе искали. У нас есть чуть больше меся-

ца. За это время я должен понять, какое слово самое важное. Не только для меня, но и для всех.

Даша задумалась, а потом перевернула страницу и начала рисовать. Тимофей и Серёжка смотрели, как под её карандашом возникает изображение дерева с раскидистыми ветвями — того самого древа, которое было на обложке дневника Веры и на арке подземного храма. Даша рисовала быстро, но очень точно. Вскоре на бумаге появилось могучее дерево, корни которого уходили глубоко в землю, а ветви тянулись к небу. На каждой ветви она изобразила по несколько плодов, похожих на яблоки, но внутри каждого плода было написано какое-то слово: «Мама», «Дом», «Друг», «Вера», «Надежда», «Любовь».

Даша показала рисунок и написала внизу:

«Может быть, слово — как плод этого дерева? Оно должно созреть. Его нельзя придумать просто так. Оно должно вырасти из твоей жизни, из того, что для тебя действительно важно».

Тимофей долго смотрел на рисунок. Ему казалось, что Даша попала в самую точку. Слово нельзя просто взять из головы или из книжки. Оно должно прийти из сердца, из всего пережитого и прочувствованного.

— Ты права, — сказал он. — Мне нужно... не знаю, как это сказать... прожить этот месяц по-особенному. Внимательно. Замечать всё, что происходит вокруг. Слушать людей, даже если они молчат. Может быть, тогда слово само

откроется мне.

Серёжка вдруг оживился и написал:

«Я знаю, с чего начать. В городе есть старый архив. Там хранятся документы с самого основания Вербилок. Мой дед там работал. Я могу провести тебя».

— Архив? — переспросил Тимофей. — А зачем нам архив?

Серёжка написал:

«Чтобы понять, откуда взялся договор. Кто его заключил и почему. Может быть, там есть подсказка, какое слово нужно сказать, чтобы его разрушить».

Эта идея показалась Тимофею замечательной. Если они узнают происхождение договора, им будет легче понять, как его расторгнуть.

— Отлично, — сказал он. — Когда пойдём?

«Завтра утром», — написал Серёжка. — «Я знаю, где ключ от архива. Дед прятал его в сарае».

Даша нарисовала улыбающуюся рожицу и написала:

«А я пока поищу ещё что-нибудь про Веру Снегирёву. Может, у неё были родственники в городе. Или друзья. Кто-то, кто мог бы рассказать о ней».

Так они и договорились. Тимофей чувствовал прилив сил и решимости. Рядом с такими друзьями, как Серёжка и Даша, даже самая трудная задача казалась выполнимой.

Вечером Тимофей вернулся домой. Он поужинал вместе с родителями в почти полной тишине — папа только кивал,

мама изредка роняла короткие «вкусно» или «хватит», а Тимофей, памятуя о том, что каждое слово теперь на счету, старался говорить по делу. После ужина он поднялся в свою комнату, сел на кровать и снова достал дневник Веры.

Он перечитывал его уже, наверное, в пятый раз, надеясь найти что-то, что упустил раньше. И вдруг его внимание привлекла одна деталь. На полях одной из страниц, где Вера описывала свои чувства после потери голоса, были нарисованы крошечные значки. Раньше он принимал их за случайные чернильные кляксы или узоры, но теперь, присмотревшись, понял, что это буквы. Очень мелкие, почти неразличимые. Он поднёс тетрадь ближе к лампе и разобрал: «Ищи в корнях».

«Ищи в корнях». Что это могло значить? Корни дерева? Корни слов? Корни города?

Тимофей вспомнил рисунок Даши — дерево с корнями, уходящими глубоко под землю. Может быть, Вера хотела сказать, что разгадка таится где-то в прошлом, у истоков? В архиве, например? Или буквально — под землёй, в подземном храме, который она называла «корнями мира»?

Он решил, что завтра в архиве обязательно поищет что-нибудь, связанное с «корнями».

За окном стемнело. Тимофей уже собирался ложиться спать, как вдруг услышал странный звук. Кто-то тихо постукал в стекло. Он вздрогнул и посмотрел в окно. На фоне тёмного сада он увидел силуэт. Высокий, в длинном плаще с ка-

пюшоном. Тот самый, который он видел у колодца в первую ночь!

Сердце Тимофея ушло в пятки. Он хотел закричать, позвать папу, но любопытство и какое-то странное чувство, что этот человек не желает ему зла, остановили его. Фигура снова постучала, на этот раз настойчивее, и поманила рукой.

Тимофей, сам не понимая, что делает, подошёл к окну и открыл его. Ночной воздух ворвался в комнату, принося запах сырой земли и осенних листьев. Фигура откинула капюшон, и Тимофей увидел лицо старой женщины. У неё были седые волосы, собранные в пучок, и очень живые, яркие глаза, которые светились в темноте, как у кошки.

— Не бойся, Тимофей, — сказала она негромко, но очень внятно. — Я не причиню тебе зла. Меня зовут Агафья. Я хранительница этого места. Ну, или была ею, пока не состарилась.

Тимофей смотрел на неё во все глаза. Женщина говорила! Свободно, легко, не экономя слова. Как такое возможно? Ведь все взрослые в Вербилках молчат или почти молчат.

— Вы... вы говорите, — пробормотал он.

— Говорю, — усмехнулась Агафья. — Потому что я не здешняя. То есть родилась-то я здесь, но ушла отсюда много лет назад. А теперь вернулась. Узнала, что последний говорящий ребёнок нашёл храм. И решила, что тебе понадобится помощь.

Тимофей хотел задать миллион вопросов, но Агафья при-

ложила палец к губам.

— Не сейчас. Завтра, как стемнеет, приходи к старому дубу на перекрёстке трёх дорог. Знаешь, где это?

Тимофей кивнул. Старый дуб на перекрёстке был известной достопримечательностью Вербилкок. Говорили, что ему больше трёхсот лет.

— Там поговорим, — сказала Агафья. — А сейчас спи. Тебе понадобятся силы.

Она накинула капюшон, повернулась и бесшумно растворилась в темноте сада. Тимофей ещё несколько минут стоял у открытого окна, пытаясь осмыслить произошедшее. Кто такая Агафья? Откуда она знает о храме? Почему она ушла из Вербилкок и почему вернулась? И главное — чем она может ему помочь?

Он закрыл окно и лёг в постель. Сон пришёл не сразу. Мысли роились в голове, как потревоженные пчёлы. Но в конце концов усталость взяла своё, и он провалился в глубокий сон без сновидений.

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Низкие серые облака висели над Вербилками, обещая скорый дождь. Тимофей позавтракал, сказал маме, что идёт гулять с Серёжкой, и отправился к условленному месту — старой водяной мельнице на окраине города.

Мельница не работала уже лет пятьдесят. Её большое деревянное колесо, поросшее мхом и водорослями, замерло навсегда, а в здании самой мельницы, по слухам, водились

привидения. Конечно, никаких привидений там не было, но местные жители обходили мельницу стороной, что делало её идеальным местом для тайного архива.

Серёжка уже ждал Тимофея у входа. В руках у него был большой железный ключ, покрытый ржавчиной.

«Дедовский», — написал он на клочке бумаги, показывая ключ. — «Архив в подвале».

Они вошли внутрь мельницы. Внутри было сумрачно, пахло старой древесиной и речной сыростью. Сквозь щели в дощатых стенах пробивался тусклый свет. Серёжка уверенно направился к лестнице, ведущей вниз. Ступеньки скрипели под ногами, но держались крепко.

Подвал оказался на удивление просторным и сухим. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых громоздились картонные коробки, папки, свёртки и просто стопки бумаг, перевязанные бечёвкой. Посередине стоял массивный дубовый стол, а на нём — старинная керосиновая лампа. Серёжка достал из кармана спички и зажёл лампу. По подвалу разлился мягкий желтоватый свет.

— Ничего себе, — прошептал Тимофей, оглядываясь. — И это всё — история Вербиллок?

Серёжка кивнул и написал:

«Здесь документы с семнадцатого века. Мой дед был архивариусом. Он говорил, что в этих бумагах — ответы на все вопросы. Только никто не хочет их искать».

Тимофей подошёл к ближайшему стеллажу. На короб-

ках были наклейки с годами: «1845—1860», «1901—1915», «1950—1965». Он понял, что поиск может занять много времени.

— С чего начнём? — спросил он.

Серёжка написал:

«Ищи упоминания о договоре. Или о храме. Или о первых поселенцах. Когда был основан город? Кем?»

Тимофей кивнул и принялся за работу. Он перебирал пожелтевшие листы, вчитывался в выцветшие чернильные строки. Многие документы были написаны старинным почерком, который трудно разобрать, но он старался.

Прошло, наверное, часа два. Тимофей уже начал отчаиваться, как вдруг наткнулся на тонкую папку, перевязанную чёрной лентой. На обложке было выведено всего одно слово: «Истоки». Он осторожно развязал ленту и открыл папку.

Внутри лежали несколько листов пергамента, исписанных уборым почерком. Тимофей поднёс лампу ближе и начал читать.

«Лета 1683 от Рождества Христова. Мы, поселенцы, прибывшие на сии земли в поисках убежища от гонений, основываем город Вербилки. Земли сии богаты лесами, водами и дичью. Но есть у них и особое свойство: слова, сказанные здесь, имеют силу большую, нежели в иных местах. Старцы говорят, что под землёю сокрыт древний храм, построенный ещё теми, кто жил здесь до нас. В храме том слова обретают плоть и остаются навеки. Дабы не нарушить равновесие

и не истощить силу слов, постановляем: отныне каждый житель Вербилкок, достигнув десяти лет, будет приносить свой голос в дар храму. Так мы сохраним мир и покой в нашем городе. Подписано: староста Еремей, писарь Фома, ведунья Акулина».

Тимофей перечитал запись несколько раз. Значит, договор был заключён первыми поселенцами в 1683 году. Они знали о храме и сознательно установили правило молчания. Но почему? Чего они боялись? Что значит «слова здесь имеют силу большую, нежели в иных местах»?

Он перевернул лист. Там была ещё одна запись, сделанная другим почерком, более поздняя.

«Год 1721. Я, внучка ведуньи Акулины, пишу сии строки. Бабушка перед смертью открыла мне тайну. Храм под землёю — не просто место, где слова становятся камнями. Это сердце нашего города. Пока в храме есть камни-слова, Вербилки защищены от бед. Но защита требует платы. Каждые десять лет храм должен получать новый голос. Если поток голосов прервётся, защита падёт, и город постигнут несчастьем. Однако бабушка сказала и другое: однажды родится ребёнок, чей голос будет достаточно силен, чтобы разрушить старый договор и заключить новый. Ребёнок этот должен будет найти самое важное слово — слово, которое объединит всех жителей. Только тогда можно будет изменить порядок, не погубив город. Я записываю это для тех, кто придёт после. Быть может, им пригодится».

Тимофей замер. Вот оно! Значит, он не просто может разрушить договор. Он должен заключить новый! И для этого нужно слово, которое объединит всех. Не просто личное, важное для него, а такое, которое отзовётся в сердце каждого жителя Вербилок.

Он показал находку Серёжке. Тот быстро прочитал и написал:

«Это меняет дело. Тебе нужно не просто найти своё слово. Тебе нужно найти общее слово. Слово, которое важно для всех».

— Да, — сказал Тимофей. — И я даже не представляю, с чего начать.

Серёжка задумался, а потом написал:

«Может, спросить у людей? Не словами, а как-то иначе. Что для них самое важное?»

— Но как спросить, если они не говорят? — удивился Тимофей.

«Рисунками, — написал Серёжка. — Как Даша. Можно сделать большой лист и попросить всех нарисовать или написать, что для них главное в жизни».

Идея показалась Тимофею замечательной. Это был способ услышать молчаливых жителей Вербилок, узнать, чем живут их сердца.

— Мы сделаем это, — решил он. — Завтра же начнём. А сейчас... сейчас мне нужно встретиться с одним человеком. Она обещала помочь.

Серёжка вопросительно поднял бровь, но Тимофей не стал ничего объяснять. Он аккуратно сложил найденные листы в сумку, чтобы показать Даше и, возможно, Агафье. Затем они с Серёжкой погасили лампу, заперли подвал и выбрались наружу.

Дождь уже начался — мелкий, морозящий, по-осеннему унылый. Тимофей попрощался с другом и направился в сторону старого дуба на перекрёстке.

Старый дуб стоял на пересечении трёх дорог, как и много веков назад. Его ствол был таким толстым, что четверо взрослых мужчин с трудом могли бы обхватить его, взявшись за руки. Крона дуба, ещё не полностью сбросившая листву, шумела под порывами ветра, словно перешёптывалась с небом. Вокруг дуба росли молодые дубки — его дети и внуки, но сам он возвышался над ними, как древний исполин.

Агафья уже ждала Тимофея. Она сидела на огромном корне, выступающем из земли, закутавшись в свой длинный плащ. Увидев мальчика, она приветственно кивнула.

— Пришёл, — сказала она. — Хорошо. Садись рядом, разговор долгий будет.

Тимофей присел на соседний корень. Дождь к этому времени почти перестал, только редкие капли срывались с листьев.

— Ты хочешь знать, кто я и почему могу говорить, — начала Агафья без предисловий. — Отвечу. Я родилась в Вер-

билках семьдесят два года назад. В детстве я, как и все, говорила свободно. А потом, в десять лет, замолчала. Но в отличие от других, я не смирилась. Я стала искать способ вернуть голос. Искала долго, много лет. И нашла.

— Как? — выдохнул Тимофей.

— Я ушла из города, — просто сказала Агафья. — Поняла, что сила договора действует только в пределах Вербилок. Как только я пересекла границу города — а граница проходит вон по тому ручью, — голос вернулся. Сначала тихо, робко, а потом всё громче. Я могла говорить! Но вернувшись в город, я снова немела. Тогда я решила: буду жить за пределами Вербилок, но помогать тем, кто внутри. Я стала хранительницей памяти. Собирала истории, легенды, знания о договоре. Ждала, когда появится тот, кто сможет всё изменить.

— И вы думаете, что я — тот самый? — спросил Тимофей.

— Уверена, — кивнула Агафья. — Ты нашёл храм. Ты услышал голос книги. И ты не испугался, а решил действовать. Это дорогого стоит. Но послушай меня внимательно, Тимофей. То, что ты задумал, — очень опасно. Разрушить старый договор и заключить новый — это как пройти по лезвию ножа. Одно неверное слово, и может случиться беда. Город может пострадать. Люди могут пострадать. Ты готов к такой ответственности?

Тимофей задумался. Он вспомнил маму, которая мечтает петь колыбельные. Вспомнил Серёжку и Дашу, которые

не могут сказать ни слова, но поддерживают его. Вспомнил всех детей Вербилок, которые рождаются, учатся говорить, а потом замолкают навсегда. И понял: да, готов.

— Готов, — твёрдо сказал он. — Я должен попробовать. Иначе зачем всё это?

Агафья долго смотрела на него, а потом улыбнулась. Улыбка у неё была тёплая, как летнее солнце.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я помогу тебе. Расскажу то, что знаю. Слушай.

Она поправила плащ и начала свой рассказ.

— Давным-давно, задолго до того, как первые поселенцы пришли в эти края, здесь жил древний народ. Они поклонялись Слову как божеству. Они верили, что каждое произнесённое слово обладает творящей силой. Словом можно исцелить, словом можно убить, словом можно создать целый мир. Этот народ построил подземный храм, чтобы сохранять самые важные слова. Они записывали их на камнях, и камни начинали светиться. Шли века, народ ушёл, но храм остался. И его сила никуда не делась. Первые поселенцы Вербилок обнаружили храм и испугались его силы. Они решили, что если не ограничить использование слов, то люди могут навредить друг другу или самим себе. Ведь слово, сказанное в гневе или с дурным умыслом, здесь обретает особую мощь. Представляешь, что могло бы случиться, если бы кто-то в сердцах пожелал соседу зла? Это желание могло бы исполниться.

Тимофей поёжился. Он представил, как страшно жить в месте, где любое грубое слово может стать реальностью.

— Поэтому они заключили договор с храмом, — продолжала Агафья. — Они добровольно ограничили свою речь, чтобы обезопасить себя и своих потомков. Дети отдают голос в десять лет — это самая большая жертва, но она же и самая надёжная защита. Пока дети замолкают, храм получает силу для поддержания равновесия. Но в договоре была одна лазейка. Тот, кто придёт после и чьё сердце будет чистым, а намерения — благородными, сможет изменить условия. Для этого нужно произнести слово, которое перевесит все остальные. Слово, которое объединит сердца всех жителей. Не просто «любовь» или «счастье», а что-то более глубокое, идущее от самой сути этого места.

— Но что это за слово? — в отчаянии спросил Тимофей. — Как его найти?

— Его нельзя найти в книгах или в чужих рассказах, — ответила Агафья. — Оно должно родиться из твоего опыта, из твоих наблюдений за жизнью города и его жителей. Ты должен прожить этот месяц так, как не жил никогда раньше. Смотреть, слушать, чувствовать. И тогда слово само откроется тебе. А я помогу, чем смогу. Например, расскажу тебе о людях, которые пытались сделать то же самое до тебя.

— Вы знаете о Вере Снегирёвой? — быстро спросил Тимофей.

Агафья удивлённо вскинула брови.

— Откуда ты знаешь о Вере?

Тимофей достал из сумки дневник.

— Серёжка нашёл его на лодочной станции. Вера писала его сорок лет назад. Она тоже искала храм и хотела вернуть голос людям. Но она пропала. Последняя запись — она собиралась спуститься в колодец и не вернулась.

Агафья взяла дневник, бережно, словно величайшую драгоценность, и пролистала.

— Вера... — прошептала она. — Я знала Веру. Она была моей подругой. Мы вместе искали ответы. Но потом я ушла из города, а она осталась. Я думала, что она смирилась, как все. А она, оказывается, продолжала поиски.

— Что с ней случилось? — спросил Тимофей.

Агафья закрыла дневник и посмотрела куда-то вдаль, сквозь пелену дождя.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я потеряла с ней связь. Но, судя по дневнику, она спустилась в храм и не вернулась. Может быть, она осталась там. Может быть, стала частью храма. Я слышала легенды, что те, кто пытается нарушить договор без правильного слова, остаются в храме навсегда, превращаясь в камни-слова.

Тимофея пробрала дрожь. Он представил Веру, застывшую среди светящихся камней, и ему стало жутко.

— Но ты не бойся, — поспешно добавила Агафья. — У тебя есть то, чего не было у Веры. Ты — последний. Голос последнего имеет особую силу. И у тебя есть друзья, которые

тебе помогают. Вера была одна. А ты — нет.

Она вернула ему дневник и поднялась.

— Мне пора. Завтра я снова приду сюда в это же время. Ты расскажешь мне, что узнал в архиве и что придумали твои друзья. А пока — думай. Наблюдай. Слушай тишину. В ней тоже есть слова, нужно только уметь их расслышать.

Агафья накинула капюшон и ушла по тропинке, ведущей прочь от города, к ручью, за которым начиналась свобода говорить. Тимофей ещё долго сидел под дубом, переваривая услышанное. Потом встал и побрёл домой. Вечерело. В окнах домов зажигались огни. Город готовился ко сну, окутанный привычной тишиной.

На следующий день Тимофей, Серёжка и Даша собрались в беседке. Тимофей рассказал о находке в архиве и о встрече с Агафьей. Даша слушала, широко раскрыв глаза, и даже несколько раз ахнула, забыв, что не может издать ни звука. Когда Тимофей закончил, она схватила карандаш и написала:

«Значит, нам нужно узнать, что важно для всех жителей? Я знаю, как это сделать!»

Она достала из своего альбома большой лист плотной бумаги, который, видимо, припасла заранее, и написала вверху печатными буквами: «ЧТО ДЛЯ ВАС САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ? НАРИСУЙТЕ ИЛИ НАПИШИТЕ ЗДЕСЬ».

— Ты хочешь, чтобы люди заполнили этот лист? — спросил Тимофей.

Даша кивнула и написала:

«Повесим его на центральной площади. Рядом положим карандаши и краски. Каждый, кто захочет, сможет оставить свой ответ. Может быть, так мы поймём, что объединяет всех».

Идея была смелой и немного наивной, но Тимофею она понравилась. В конце концов, что они теряли?

— Давайте попробуем, — согласился он. — Только нужно сделать это так, чтобы взрослые не испугались и не запретили.

Серёжка написал:

«Можно попросить мою бабушку помочь. Она работает в библиотеке на площади. Она добрая и, хотя почти не говорит, всё понимает. Она разрешит повесить лист на дверях библиотеки».

Так они и поступили. В тот же день, ближе к вечеру, когда на центральной площади было больше всего народу, они пришли к библиотеке. Бабушка Серёжки, маленькая сухонькая старушка с очень внимательными глазами, молча выслушала сбивчивые объяснения Тимофея (Серёжка и Даша активно кивали и показывали на лист), а потом улыбнулась и сама прикрепила лист к двери библиотеки. Рядом она поставила жестяную банку с цветными карандашами и мелками.

Первыми к листу подошли, конечно, дети. Те, кто ещё не достиг десяти лет и мог говорить. Они с радостью начали рисовать: солнышко, домик, маму с папой, собачку, мороже-

ное. Тимофей смотрел на их рисунки и улыбался. Для малышей самым главным было то, что их окружало здесь и сейчас: семья, дом, сладости, игры.

Потом стали подходить взрослые. Сначала они с недоверием косились на лист, читали вопрос, хмурились. Но потом, видя, что другие что-то рисуют или пишут, тоже брали карандаши. Кто-то рисовал дерево (и Тимофей вспомнил дерево с корнями), кто-то — реку, кто-то — звезду. Один пожилой мужчина долго стоял, думал, а потом написал печатными буквами одно слово: «ПАМЯТЬ». Женщина с тяжёлыми сумками нарисовала хлеб. Молодая пара, держась за руки, изобразила сердце, внутри которого было написано «МЫ».

Тимофей, Серёжка и Даша стояли поодаль и наблюдали. Даша делала быстрые наброски в своём альбоме, фиксируя всё, что появлялось на большом листе. Тимофей пытался найти закономерность, что-то общее во всех этих рисунках и словах. Но ответы были слишком разными. «Семья», «Здоровье», «Покой», «Радость», «Солнце», «Вера», «Надежда», «Любовь» — все эти слова, конечно, были важны, но ни одно из них не казалось тем самым, единственным, которое могло бы объединить всех.

Вдруг к листу подошёл человек, которого Тимофей сразу узнал. Это был старый учитель истории, Иван Петрович, которого в городе называли просто Петрович. Ему было далеко за восемьдесят, он ходил с палочкой и почти никогда не выходил из дома. Говорили, что он один из немногих, кто

ещё помнит времена, когда в Вербилках говорили свободно. Петрович долго смотрел на лист, потом взял чёрный мелок и написал в самом центре, крупно, так, чтобы все видели: «СВОБОДА».

Тимофей прочитал это слово, и что-то внутри него отозвалось. Свобода. Свобода говорить. Свобода быть собой. Свобода выбирать. Может быть, именно этого и лишены жители Вербилок? И именно это они ценят больше всего, даже если не осознают?

Петрович обернулся и встретился взглядом с Тимофеем. Старик едва заметно кивнул, словно подтверждая догадку мальчика, и медленно пошёл прочь, опираясь на палочку.

К вечеру лист был заполнен почти полностью. Рисунки и слова громоздились друг на друга, сливаясь в пёстрое полотно человеческих желаний и надежд. Тимофей, Серёжка и Даша сняли лист и унесли в беседку, чтобы внимательно изучить.

Даша разложила лист на скамейке и написала:

«Смотрите, сколько всего! Как выбрать одно?»

Тимофей задумался. Он вспомнил слова Агафьи о том, что слово должно родиться из его собственного опыта. Может быть, лист не даст ему готового ответа, но он покажет направление. Он укажет на то, что волнует людей больше всего.

Серёжка вдруг ткнул пальцем в рисунок, сделанный кем-то в уголке листа. Это был маленький, почти незаметный рисунок: росток, пробивающийся сквозь камень. И подпись:

«Жизнь».

— Жизнь, — прочитал Тимофей. — Да, это тоже важно.

Он ещё долго сидел над листом, пока не стемнело. Даша и Серёжка ушли домой, а Тимофей всё смотрел и думал. Слово должно быть не просто важным. Оно должно быть ключом. Оно должно открыть замок древнего договора. И он чувствовал, что разгадка где-то близко, но всё время ускользает.

Прошла неделя. Тимофей каждый день встречался с Агафьей у старого дуба, рассказывал ей о своих наблюдениях, о листе, о словах, которые нашли отклик у жителей. Агафья слушала, кивала, но не давала прямых ответов. Она говорила загадками: «Слово должно быть как река — течь через всех и объединять берега», «Слово должно быть как корень — держать дерево, но оставаться в земле, невидимым». Тимофей запоминал её слова, но пока не понимал, как их применить.

Однажды ночью он проснулся от странного ощущения. Ему показалось, что его зовут. Не голосом, а каким-то внутренним толчком. Он сел в кровати и прислушался. Тишина. Но притяжение было таким сильным, что он не мог его игнорировать. Он оделся, взял фонарик и тихо выбрался через окно в сад.

Ноги сами привели его к колодцу. Крышка, как и в прошлый раз, светилась по контуру зелёным светом. Тимофей понял, что храм зовёт его. Может быть, пришло время для нового разговора с книгой?

Он сдвинул крышку (она поддавалась легко, словно ждала его) и спустился по верёвке, которую они с Серёжкой предусмотрительно оставили. Лаз, пещера, арка — всё было как в первый раз. Но теперь Тимофей шёл увереннее. Он знал, куда идти и зачем.

Подземный зал встретил его привычным многоголосым гулом. Камни-слова светились, переливались, шептали. Тимофей подошёл к алтарю и положил руку на раскрытую книгу. Голос зазвучал сразу, без паузы.

«Ты вернулся, ищущий. Твоё время ещё не истекло. Что ты хочешь узнать?»

— Я нашёл в архиве запись, — сказал Тимофей. — Там говорится, что я должен не просто разрушить старый договор, а заключить новый. Что для этого нужно слово, которое объединит всех жителей. Но как мне найти это слово, если я даже не знаю, что их объединяет?

Голос ответил не сразу. Камни на стенах замерцали сильнее, словно обдумывая ответ.

«Ты уже начал искать. Большой лист был хорошей идеей. Но ответ не в рисунках и не в написанных словах. Ответ в тишине. В том, что остаётся, когда все слова сказаны. Ты должен научиться слышать тишину. Не бояться её, а понимать. В тишине Вербилек скрыта главная тайна. Разгадай её — и слово придёт само».

— Как я могу услышать тишину? — спросил Тимофей. — Это же просто отсутствие звуков.

«Нет. Тишина Вербилок — это не отсутствие звуков. Это присутствие смысла. Каждый житель города, замолкая, не теряет слова. Он хранит их внутри. В его сердце звучат тысячи произнесённых фраз. Собери их. Послушай, о чём молчат люди. И ты поймёшь, что их объединяет».

Тимофей задумался. Собрать произнесённые слова... Но как? Он же не может залезть людям в головы.

Словно прочитав его мысли, голос сказал:

«Есть способ. В храме, среди тысяч камней, есть особые камни. Они хранят не произнесённые слова, а те, что люди хотели сказать, но не смогли. Это камни молчания. Они тёмные и не светятся, но если прикоснуться к ним, можно услышать эхо невысказанного. Найди такие камни. Послушай их. И ты узнаешь, что на самом деле важно для жителей Вербилок».

Тимофей огляделся. Действительно, среди ярких, светящихся камней он заметил несколько тёмных, почти чёрных, которые не издавали ни звука, ни света. Он подошёл к одному из них и осторожно прикоснулся.

В тот же миг его захлестнула волна эмоций. Он услышал — нет, почувствовал — голос пожилой женщины. Она стояла у окна и смотрела на улетающих птиц. В её сердце звучали слова: «Я так хочу рассказать внуку о перелётных птицах. О том, как они улетают в тёплые края и возвращаются весной. Но я не могу. Я только глажу его по голове и улыбаюсь. Он смотрит на меня и ждёт слов. А я молчу. Прости меня, вну-

чек. Я храню эти слова для тебя. Когда-нибудь... когда-нибудь ты их услышишь».

Тимофей отдернул руку. На глаза навернулись слёзы. Он прикоснулся к другому тёмному камню. Мужской голос, молодой, сильный, но полный тоски: «Я люблю её. Каждый день вижу её на рынке, она продаёт цветы. Я хочу подойти и сказать, как она прекрасна. Но я не могу. Язык не слушается. Я просто покупаю у неё ромашки и ухожу. Она, наверное, думает, что я немой. Так и есть. Мы все здесь немые. Но моё сердце кричит. Когда-нибудь я смогу сказать ей. Обязательно смогу».

Третий камень. Детский голос, девочка лет семи: «Мама, почему ты не поёшь мне колыбельную? Бабушка говорила, что ты пела, когда была маленькой. Я так хочу услышать твой голос. Не только „ешь“ и „спи“. Спой мне, пожалуйста. Хоть разочек. Я запомню на всю жизнь».

Тимофей больше не мог. Он отошёл от камней и сел на пол, закрыв лицо руками. Он плакал. Не от жалости к себе, а от огромной, переполняющей его любви к этим людям. К их невысказанным словам, к их молчаливой нежности, к их надежде, которая не угасала даже в тишине.

И тогда он понял. Понял, что объединяет всех жителей Вербилок. Не свобода, не счастье, не любовь сами по себе. А желание быть услышанными. Желание поделиться тем, что у них внутри. Желание прорвать пелену молчания и достучаться до другого человека.

Но как выразить это одним словом?

Он вернулся к алтарю и спросил:

— Я чувствую, что они хотят быть услышанными. Что их слова, даже невысказанные, живы. Но какое слово может это описать? «Слушание»? «Понимание»? «Общение»?

Голос ответил:

«Ты на верном пути. Но не торопись. Слово ещё не созрело. Дай ему время. Продолжай слушать тишину. И однажды ты проснёшься и будешь знать его. А теперь иди. Тебе нужно отдохнуть».

Тимофей поклонился книге и вышел из храма. На поверхности его встретила прохладная осенняя ночь. Звёзды сияли особенно ярко, словно подмигивая ему. Он закрыл колодец и пошёл домой. В груди у него теплилась уверенность, что он движется в правильном направлении.

На следующий день Даша пришла в беседку с таинственным видом. Она достала из сумки старую, потрёпанную книгу без обложки и протянула Тимофею. Он открыл её и увидел, что это сборник стихов. Но не простых — стихи были написаны от руки, разными почерками. На первой странице значилось: «Стихи молчаливых. Вербилки, 1985—1990».

— Где ты это взяла? — изумился Тимофей.

Даша написала:

«У своей бабушки на чердаке. Она сказала, что когда-то в городе был кружок для тех, кто уже замолчал. Они не могли говорить, но могли писать. И они писали стихи. Бабушка

хранила эту книгу как память».

Тимофей начал листать. Стихи были разные — грустные, смешные, философские. Но все они говорили об одном: о тоске по голосу, о любви к близким, о красоте мира, которую хочется воспеть, но нечем. Одно стихотворение особенно тронуло его:

*Когда молчу я, мир не тише,
Он полон звуков и огней.
Но как же хочется повыше
Поднять свой голос, чтобы с ней,
С той, что смеётся у калитки,
Заговорить о пустяках.
Но губы сжаты, словно нитки,
И слово тает в облаках.
Я напишу ей на бумаге
Всё то, что не могу сказать.
И, может быть, в заглавной саге
Она сумеет прочитать
Мою любовь, мою надежду,
Мою нездешнюю тоску.
Я, как и прежде, неутешный,
Но верю в строчку и строку.*

Тимофей прочитал стихотворение вслух. Даша слушала, закрыв глаза, и по её щекам текли слёзы. Когда он закончил, она написала:

«Это стихотворение написала моя бабушка. Она посвяти-

ла его моему дедушке. Они так и прожили всю жизнь, общаясь записками и стихами. Дед умер пять лет назад, а бабушка до сих пор пишет ему письма, которые никогда не отправит».

Тимофей почувствовал, как что-то переворачивается у него внутри. Вот оно — живое свидетельство того, что молчание не убивает слова. Оно просто загоняет их внутрь, где они продолжают жить и даже обретают новую форму. Стихи, рисунки, музыка без слов — всё это способы говорить, когда голоса нет.

— Даша, — сказал он, — а можно мне взять эту книгу на время? Я хочу показать её Агафье.

Даша кивнула. Она написала:

«Конечно. Но будь осторожен. Эта книга очень дорога моей бабушке. Она единственное, что осталось у неё от того времени, когда она ещё надеялась, что голос вернётся».

Тимофей бережно завернул книгу в чистую тряпицу и положил в сумку. Вечером он покажет её Агафье. Может быть, эта книга подскажет что-то важное.

Вечером, как и договаривались, Тимофей пришёл к старому дубу. Агафья уже ждала его, сидя под огромным зонтом, который она соорудила из веток и старого плаща. Дождь снова моросил, но под дубом было почти сухо — густая крона задерживала капли.

Тимофей показал Агафье книгу стихов и рассказал о том, что слышал от тёмных камней в храме. Агафья слушала, не перебивая, только изредка кивая.

— Ты молодец, — сказала она, когда он закончил. — Ты делаешь именно то, что нужно. Слушаешь. Впитываешь. Проживаешь. Слово уже близко, я чувствую. Но есть ещё одна вещь, которую ты должен узнать.

Она достала из складок плаща небольшой свёрток и протянула Тимофею.

— Это письмо Веры. Последнее, что она написала перед тем, как уйти в храм навсегда. Она передала его мне через одного мальчишку, но я тогда уже покинула город и получила письмо только много лет спустя. Прочти.

Тимофей развернул пожелтевший листок. Почерк Веры был неровным, буквы плясали, но слова складывались в ясные, пронзительные строки:

«Дорогая Агафья! Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Я спускаюсь в храм сегодня ночью. Я нашла слово. Мне кажется, я знаю, что нужно сказать, чтобы разрушить договор. Это слово — „ПРОЩЕНИЕ“. Потому что мы все виноваты друг перед другом. Мы согласились на молчание, мы предали свой голос. И только прощение может снять эту вину. Я скажу это слово и, наверное, потеряю голос навсегда. Но если у меня получится, город проснётся. Люди заговорят. Я верю в это. Прощай, Агаша. Не забывай меня. И не бойся говорить там, за ручьём. Говори за нас обеих. Твоя Вера».

Тимофей дочитал и поднял глаза на Агафью. Она смотрела куда-то вдаль, и в её глазах стояли слёзы.

— Прощение, — прошептал Тимофей. — Она выбрала

«прощение». Но у неё не получилось. Почему?

— Потому что она была одна, — ответила Агафья. — Потому что её слово было правильным, но недостаточно сильным. Оно не объединило всех, а только её саму. Договор требует слова, которое отзовётся в каждом сердце. Прощение — это важно, но не все готовы прощать. Многие даже не считают, что им есть за что просить прощения. Вера опередила своё время. А может, просто не хватило поддержки.

Тимофей задумался. Значит, недостаточно просто найти правильное слово. Нужно, чтобы люди были готовы его принять. Чтобы оно резонировало с их внутренним состоянием.

— Как же мне подготовить людей? — спросил он. — Ведь я даже не могу им рассказать о том, что задумал. Они либо не поймут, либо испугаются и помешают.

— Ты уже начал их готовить, — улыбнулась Агафья. — Большой лист на площади. Книга стихов. Твои разговоры с мамой, с друзьями. Ты пробуждаешь в людях память о словах. Пусть это происходит медленно, но верно. Продолжай. Время у тебя ещё есть.

Она поднялась и поправила свой зонт-плащ.

— Мне пора. Завтра я уйду на несколько дней. Нужно навестить одно место, которое может быть тебе полезно. Когда вернусь, расскажу. А ты пока продолжай слушать. И помни: слово должно быть как вода — мягкое, но способное точить камень.

Агафья ушла, растворившись в дождливых сумерках. Ти-

мофей остался сидеть под дубом, сжимая в руках письмо Веры и книгу стихов. Он думал о том, как много людей до него пытались изменить этот город. Вера, бабушка Даши, неизвестные поэты из кружка «Стихи молчаливых». Все они верили в силу слова. И все они, каждый по-своему, приближали тот момент, когда эта сила сможет проявиться в полной мере.

Он вернулся домой, когда уже совсем стемнело. Мама ждала его на кухне, и в её глазах была тревога.

— Где ты был? — спросила она. — Я волновалась.

— Гулял, — ответил Тимофей. — Думал.

Он подошёл и обнял её.

— Мам, а ты помнишь какие-нибудь стихи? Из детства?

Мама удивлённо посмотрела на него, но потом кивнула.

— Помню, — сказала она. — Бабушка учила меня. «У лукоморья дуб зелёный...»

— Почитай мне, — попросил Тимофей. — Пожалуйста.

И мама, с трудом подбирая слова, запинаясь, начала читать. Голос её звучал тихо, неуверенно, но с каждой строчкой становился всё твёрже. Тимофей слушал, закрыв глаза, и представлял себе дуб у лукоморья, златую цепь, кота учёного. И думал о том, что даже в самом глубоком молчании живут сказки. Нужно только захотеть их услышать.

Следующие несколько дней Тимофей провёл, обходя город и разговаривая с теми немногими, кто ещё мог и хотел говорить. Он беседовал с Петровичем, старым учителем ис-

тории. Петрович, хоть и говорил мало, но каждое его слово было весомым, как камень из храма.

— Молчание — это не проклятие, мальчик, — сказал Петрович, когда Тимофей зашёл к нему под предлогом расспросов об истории города. — Это защита. Когда-то давно люди поняли, что слова могут ранить сильнее ножа. И они решили ограничить себя. Но, как всякая защита, она со временем стала тюрьмой. Вопрос в том, готовы ли люди выйти из тюрьмы на свободу. Свобода страшна. Она требует ответственности. Ты готов к ответственности, Тимофей?

— Не знаю, — честно ответил мальчик. — Но я хочу попробовать.

Петрович долго смотрел на него, а потом кивнул.

— Это правильный ответ. Тот, кто уверен в своей готовности, обычно не готов. А тот, кто сомневается, — на верном пути. Я помогу тебе, чем смогу. В моей библиотеке есть старые карты города. Может, найдёшь что-то полезное.

Тимофей поблагодарил и провёл несколько часов, разбирая карты. На одной из них, датированной 1682 годом, то есть за год до основания Вербилок, он заметил странный знак — дерево с корнями, уходящими под землю, точно такое же, как в дневнике Веры и на арке храма. Знак был нанесён на том самом месте, где сейчас стоял старый дуб на перекрёстке. А рядом была подпись мелким, еле различимым почерком: «Здесь начало начал. Корень всего».

Тимофей вспомнил фразу из дневника Веры: «Ищи в кор-

нях». Может быть, это не метафора, а прямое указание? Корни старого дуба? Что может быть под ними?

Он решил, что когда Агафья вернётся, обязательно расспросит её об этом.

А пока судьба приготовила ему ещё одну неожиданную встречу. Вечером, когда он возвращался домой, его окликнул человек, которого он меньше всего ожидал увидеть. Это был его отец.

Папа редко выходил из своей мастерской, где он чинил старую мебель. Он вообще был очень молчаливым даже по меркам Вербиллок. Но сейчас он стоял у калитки и смотрел на Тимофея с каким-то странным выражением.

— Сынок, — сказал он, и голос его прозвучал хрипло, словно им давно не пользовались. — Пойдём, прогуляемся.

Они пошли по Липовой улице, и папа, неловко подбирая слова, начал говорить:

— Я вижу, что с тобой что-то происходит. Ты изменился за последнюю неделю. Мать говорит, ты стал серьёзным. Слишком серьёзным для девяти лет. Я понимаю... Тебе скоро десять. Ты боишься замолчать. Я тоже боялся. До ужаса.

Тимофей слушал, затаив дыхание. Отец никогда не говорил с ним о таких вещах.

— Когда мне было девять, — продолжал папа, — мой отец, твой дед, отвёл меня к старому дубу и рассказал историю. О храме, о договоре, о том, что когда-нибудь появится тот, кто сможет всё изменить. Он сказал: «Если этот человек

появится при твоей жизни, помоги ему. Не мешай. Даже если тебе будет страшно». Я тогда не понял. А теперь, глядя на тебя, начинаю понимать. Ты ведь что-то задумал, верно?

Тимофей кивнул. Он не мог солгать отцу.

— Я не знаю, что именно, — сказал папа. — И не хочу знать, чтобы невольно не помешать. Но я хочу, чтобы ты знал: я на твоей стороне. Что бы ты ни делал, я поддержу. Только будь осторожен. И помни: что бы ни случилось, ты мой сын, и я тебя люблю. Даже если не могу сказать это так часто, как хотелось бы.

Он обнял Тимофея — крепко, по-мужски, и быстро пошёл обратно к дому, словно стесняясь проявленных чувств. Тимофей остался стоять посреди улицы, глядя ему вслед. На душе у него было тепло. Ещё один человек поверил в него. Ещё один союзник в борьбе за возвращение голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.